
Из чего ты сложилась, судьба моя?
Из занудно-дамского жития?
Из способности детской – стихи, стихи?
Из другой какой чепухи?

Из сиянья, явленного в лице.
Из рыданья, сдавленного в конце...
Из смятенья, робости, черноты.
Перехода с собой на «ты».

Из чего же я все-таки, не пойму?
Может, позже, когда я шагну во тьму,
Перейду порог, оглянусь на миг,
Что услышу-то – чик-чирик?

Вот и ты, сокровенная птица тьмы.
Ты нашла, как упорно ни прятались мы.
Из чего ж я все-таки состою?..
Понимаю – когда пою.

Тот, кто есть, кто еще живой,
Он кивает мне головой,
Он приходит ко мне в пальто,
Чтобы тихо сказать: не то.

Ну не тот у тебя слог.
У других уже – дай бог.
У тебя же один вдох.
А другое – не дай бог.

У тебя вроде был слог.
А теперь только подлог.
Может быть, бобик твой сдох.
Но остался еще Бог.

Тот, кто есть, – все-таки живой.
Он еще трясет головой.
Гальванически раздражен.
Титанически напряжен.

Он – гора золотых жил.
Бобик так никогда не жил.

Он трясется, давно плох.
У него миллион блох.

Тот, кто есть, – и еще живой, –
Все же мой, все ж не сволочь, свой.
И прошу его я, лох:
Дай, пожалуйста, мой вдох.

Подойди, согрейся у моего огня.
Подожди, не смейся, не обнимай меня.
Не умела плакать, скоро уже смогу.
Мой бубенчик звякать будет на берегу.
Городок рыбацкий весь идет ходуном.
И не лай собачий, чаячий гомон в нем.
Рыбаки усталые, женщины у огня
Скоро станут старые, ты пожалей меня.
Ничего не стоит рыба твоя в порту.
Ничего не стоит женщина вся в цвету.
Городок рыбацкий весь на виду лежит.
А рыбак горячий в смертном поту дрожит.
Приходи, согрейся, пока она свечи жжет.
Подожди, не смейся, она же живого ждет.
Что бубенчик значит – знать того не хочу.
Женщина не плачет – женщина жжет свечу.

Что ты со мною делаешь
Как ты меня тревожишь
Делишь меня и делишь

А поделить не можешь.
Жалко тебя жалко
Жутко с тобой жутко
Холодно мне жарко
Лоб мой горит чутко.
Что ты со мною можешь
Ты меня провожаешь
Делишь меня множишь
Будто бы кровожаждешь.
Вроде бы невозможно
Разве же в человеке
Тонны усталой кожи
Тайны кривые реки
Раз одному можно
То и на всех хватит
Так и живу Боже
С тем кто меня тратит.

Как переход из ночи в день,
Нелегкий переход –
Мой перелет из света в тень,
Переворот вперед...
И вроде бы я слышу тот
Усталый голосок:
Судьба сама тебя найдет,
И постучит в висок,
И заберет твой страх ночной,
Полуночный твой жар,
И перережет шнур земной,
Который держит шар.
А шар ни мертвый ни живой

И держится с трудом.
Идешь в потемках по кривой,
Плывешь как подо льдом.
Таков наверх нелегкий путь,
Но мистики – ничуть.
Произойдет когда-нибудь.
Со мной, когда-нибудь.

То платье вспомню, то прическу,
Все эти кудри, локотки.
На самом деле все нечетко,
Виденья страшно далеки,
Размыты. Старая бумага
Не удержала, отдала.
Разъели ржавчина и влага
Мой мир, где я тогда была,
Играла на своей гитарке –
Глаза горящи, пальцы жарки.
Вся уголь, вся такой костер,
Где каждый язычок остер.
И что же вижу я на снимке,
В той уж сорокалетней дымке?..
Вот только это, свет не лжет.
И что вы мне ни говорите
О даре и метеорите –
Огонь и только. Жжет и жжет.

Августа вторая половина.
Видишь, третья половина дня.

Все уже давно непоправимо,
Что бы ни катило на меня.
То ли разрывающие боли.
То ли темный слиток под ребром.
Можно не созваниваться, что ли.
Август не кончается добром.
У него железная линейка.
Тесная телесная скамейка.
Узкая, как жизнь-малосемейка.
Но коленка школьницы светла.
И она горит из полудремы,
Из тяжелой в августе истомы,
Где мы все искомы и ведомы
Вкруг большого старого стола.

И шепчу, и почти не сутую
Неизбежные крылышки плеч.
И меня не забыли вчистую
Те и эти, кто должен беречь.

Но плавучий колышется остров,
Что оторван от материка.
Я слыхала, что он – калиостров,
Там-то ждут меня наверняка.

И оставлю детей и животных
Я на этом пустом берегу,
Тыщу жалобных дней тягомотных –
Я плыву и доплыть не могу.